

Первый соборъ. Русскій парламентаризмъ.

Въ 1547 году Иванъ расправился съ мятежной чернью и съ подстрекателями, которые толкали его самого на путь преступленій. Онъ произнесъ свой властный судъ, и кое-кто поплатился головою. Однако, какъ и прежде, правленіе оставалось въ рукахъ бояръ. А, между тѣмъ, безпорядки, вспыхнувшіе въ Москвѣ, были ничто въ сравненіи съ другими, постоянными, отъ которыхъ страдало и рушилось все государство. Иванъ далъ пройти еще двумъ или тремъ годамъ, чтобы убѣдиться въ необходимости покончить съ этимъ положеніемъ. Быть можетъ, этотъ срокъ былъ нуженъ ему и для того, чтобы удостовѣриться въ способности своей справиться съ подобными злоупотребленіями. Наконецъ, онъ рѣшился. Это случилось въ 1549 или 1550 году: послѣдняя дата болѣе вѣроятна. Согласно разсказу лѣтописей, въ этомъ году Иванъ созвалъ въ Москвѣ соборъ. Въ немъ участвовали представители всѣхъ сословій и областей. Собраніе происходило подъ открытымъ небомъ, на Красной площади, у Кремля. Здѣсь царь обращается къ народу съ рѣчью. Онъ начинаетъ съ обличенія боярскихъ неправдъ. Подробно перечисляетъ онъ всѣ эти злодѣянія; онъ обѣщаетъ прекратить ихъ во имя добра и любви. Въ заключеніе, онъ обращается къ митрополиту: «Молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желаешь. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца своего остался 4-хъ лѣтъ, послѣ матери—8; родственники о мнѣ небрегли, а сильные бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ и во многихъ корыстахъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, азъ же,

яко глухъ, и не слынахъ и не имый въ устахъ своихъ обличеній. О, неправедные лихоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей; ожидайте воздаянія своего...» Затѣмъ, поклонившись на всѣ четыре стороны, царь обращается къ народу. Онъ проситъ его забыть на нѣкоторое время тѣ вражды и тягости, кои были причинены боярами; онъ признаетъ, что теперь всего исправить нельзя. Но впредь онъ общается, насколько возможно, самъ быть имъ «судьей и обороной».

Въ этотъ же день Аданевъ былъ пожалованъ въ окольничьи. Ему было поручено принимать челобитныя. При этомъ Иванъ приказалъ ему съ особымъ вниманіемъ разбирать просьбы отъ простыхъ людей; онъ повелѣлъ ему не бояться сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почете и губящихъ бѣдныхъ и немощныхъ.

Этотъ рассказъ лѣтописи нуждается въ комментаріи. Конечно, Иванъ всегда любилъ театральныя положенія. Быть можетъ, онъ и не предавался на соборѣ тѣмъ лирическимъ изліяніямъ, которыя вложены ему въ уста лѣтописцами. Замѣтимъ, впрочемъ, что онъ самъ далъ намъ нѣсколько образцовъ такого рода краснорѣчія. Тѣмъ не менѣе, вполне правдоподобно, что онъ могъ говорить на Красной площади, именно, при такой обстановкѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ. Дѣло въ томъ, что помимо всего Иванъ всегда любилъ красно поговорить. Однако какой же смыслъ имѣли и эти рѣчи, и вся эта mise en scène? Славянофильская школа толковала это по своему. Выступленіе молодого царя передъ собраніемъ народа было, въ глазахъ ея, разительнымъ примѣромъ идеально-любовныхъ отношеній между государемъ и подданными. Мало того: славянофилы утверждали, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ характерной особенностью славянской расы, которая одна будто бы способна воспринять подобныя государственныя начала. Многіе историки объясняли это событіе иначе. Имъ казалось, что соборъ 1549—1550 г. знаменовалъ собою какъ бы аппеляцію царя къ народу или призывъ поддержать государя въ борьбѣ съ боярскимъ самовластіемъ. Все это, однако, не болѣе, какъ одно воображеніе.

Въ нашихъ рукахъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ о составѣ собора 1550 года. Однако, мы можемъ судить объ этомъ на основаніи практики позднѣйшаго времени. Прежде всего, болѣе нежели сомни-

тельно, чтобы на соборъ были представлены демократическіе элементы. Этого мало. Ничѣмъ не доказывается, чтобы въ основаніе собора былъ положенъ принципъ какого-нибудь представительства. Правда, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ пытались истолковать одно мѣсто изъ такъ-называемой Хрущовской лѣтописи. Эта рукопись— неизвѣстнаго происхожденія—хранится въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Подобно сборнику Макарія, она представляетъ собою Степенную книгу—родъ обычной въ то время компиляціи. Однако, Платоновъ совершенно разбилъ указанное толкованіе. Онъ доказалъ, что данное мѣсто Хрущовской лѣтописи представляетъ собою позднѣйшую вставку. Относится она, повидимому, уже ко второй половинѣ XVII вѣка; по всѣмъ вѣроятіямъ, и произведена она была подъ вліяніемъ извѣстныхъ идей, распространенныхъ впервые лишь въ указанное время. Такимъ образомъ, приходится видѣть въ этой вставкѣ какъ бы результатъ новой практики соборовъ, которые созывались преемниками Ивана при совершенно иныхъ условіяхъ. Между прочимъ, относительно собора 1550 года самъ Иванъ IV далъ намъ какъ разъ обратныя показанія. Уже на слѣдующій годъ, произнося рѣчь въ другомъ собраніи, онъ вспомнилъ о томъ, что говорилось имъ на Красной площади. Благодаря этому, подъ пышнымъ покровомъ и цвѣтами его обманчивой реторики можно разглядѣть ту истину, которая насъ такъ интересуетъ. Надо замѣтить, что въ Москвѣ всегда любили отдѣлываться словами: здѣсь умѣли удивительно ловко расплачиваться этой монетой въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось улаживать какіе-нибудь непріятные счета. Кажется, положительно, не существуетъ народа, который питалъ бы такое пристрастіе къ показной сторонѣ рѣчи, къ ловкой выдумкѣ и всякой околичности. И, на этотъ разъ, Иванъ постарался быть не слишкомъ понятнымъ. Онъ напомнилъ лишь, что уже повелѣлъ боярамъ своимъ, властямъ и намѣстникамъ помириться со всѣми христіанами своей державы. Сопоставляя тексты и освобождая ихъ отъ всего лишняго, можно прійти къ слѣдующему правдоподобному предположенію. Соборъ 1550 года былъ не болѣе, какъ простымъ совѣщаніемъ должностныхъ лицъ; онъ явился лишь эпизодомъ административной жизни той эпохи. Выше мною уже была описана организація тогдашней правительственной системы. Можно быть увѣреннымъ, что коснуться ея основъ Ивану IV никогда не приходило въ голову.

Апеллировать къ народу противъ бояръ—это значило возбуждать его противъ должностныхъ лицъ государства. Никогда Иванъ не рѣшился бы на это. Вотъ почему, даже обличая бояръ со всею силою, царь въ сущности обращался все-таки только къ нимъ однимъ. Въ этомъ смыслѣ его рѣчь на Красной площади была обращеніемъ ad homines—лишь формулированнымъ въ третьемъ лицѣ. Какой же выводъ могъ бы сдѣлать изъ нея народъ? Какъ принялъ бы онъ ее съ перваго раза? Я имѣю въ виду, конечно, тѣхъ представителей этого класса, которые хотя что-нибудь смыслили въ государственныхъ вопросахъ. А много ли могло найтись въ этомъ народѣ людей, способныхъ исправить дѣло, испорченное другими?

Но, въ такомъ случаѣ, каковы же были истинныя намѣренія Ивана? Угадать ихъ не трудно. Разумѣется, Грозный не хотѣлъ коснуться ни системы *службы*, ни самихъ *служилыхъ людей*, которые столько времени злоупотребляли своимъ положеніемъ. Онъ просто стремился улучшить работу административной машины, принявъ управленіе ею въ собственные руки. Одновременно съ этимъ, заведеніе второстепенными частями аппарата онъ желалъ довѣрить новымъ лицамъ, по собственному выбору. Этимъ объясняется его обѣщаніе самому быть «судьею и обороной»; отсюда же шло и обращеніе его къ Адашеву. Все это, конечно, относилось къ будущему. Что касается прошлаго, котораго «нельзя было исправить», то Иванъ хотѣлъ, по возможности, ликвидировать старые счета. Дѣло въ томъ, что тысячи жалобъ оставались безъ разсмотрѣнія; цѣлыя груды бумагъ тщетно ожидали какого-нибудь движенія. Разобрать все это было невозможно въ путяхъ обычнаго производства, которое отличалось невѣроятной сложностью и медлительностью. Что же значило, такимъ образомъ торжество «добрыхъ дѣлъ и любви»? Какой смыслъ имѣло примиреніе «со всѣми христіанами»? Несомнѣнно, на своеобразномъ языкѣ этой эпохи это было равносильно призыву покончить всѣ дѣла полюбовнымъ соглашеніемъ. Повидимому, былъ установленъ и довольно краткій срокъ для этой цѣли. Это видно изъ того, что уже въ 1551 году Иванъ могъ объявить о благополучномъ разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ, накопившихся отъ прошлаго времени.

Созывъ народнаго собранія, въ точномъ смыслѣ этого слова, не укладывался въ рамки традиціонной правительственной системы. Иванъ наслѣдовалъ эту систему отъ предковъ и отнюдь не имѣлъ въ виду ея уничтоженія. Онъ стремился лишь со временемъ нѣсколько

усовершенствовать ея дѣйствіе въ соотвѣтствіи съ новыми нуждами. Никакому представительному учрежденію здѣсь, конечно, не было мѣста: Иванъ былъ настолько далекъ отъ этой мысли, что даже сторонники родовой олигархіи, какъ Курбскій, никогда впослѣдствіи не высказывались принципиально противъ періодическихъ собраний по образцу 1550 года. Въ ихъ глазахъ этотъ соборъ оставался, очевидно, простымъ средствомъ административно-судебной работы. Нѣкоторые предлагали даже ввести подобныя совѣщанія въ обычное правило. Таковъ былъ авторъ извѣстной *Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ*. Впрочемъ, я еще вернусь къ этому политическому памфлету, который надѣлалъ много шума въ описываемое время.

Однако, новую попытку совѣщанія съ соборомъ мы видимъ только въ, 566 году. Какъ и раньше, собору предстояла исполнѣ опредѣленная цѣль: онъ долженъ былъ разобрать возникшіе споры съ Польшей. До насъ дошелъ офиціальныи списокъ участниковъ этого новаго совѣщанія. Здѣсь мы видимъ 32-хъ представителей высшаго духовенства, 258 бояръ или дѣтей боярскихъ, высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ; далѣе въ списокъ перечисляются 9 земельныхъ собственниковъ московскихъ, 53 купца и 22 «смолянина»: то были тѣ же купцы или люди, имѣвшіе какія-либо дѣла съ городомъ Смоленскомъ. И здѣсь, какъ видно, демократическихъ элементовъ не было и слѣда. Передъ нами—одни служилые люди, къ которымъ присоединены кое-какіе свѣдующіе специалисты. Оно и понятно: польскій вопросъ, вообще, былъ связанъ съ интересами торговли. Въ особенности близко затрагивалъ онъ нужды пограничныхъ купцовъ. Такъ же мало можно видѣть въ подобномъ совѣщаніи попытку вернуться къ старымъ вѣчевымъ традиціямъ или усвоить начала представительственныхъ собраний Запада. Намъ извѣстно, что такое такъ называемый, *освященный соборъ*. То было совѣщаніе высшихъ іерарховъ; оно созывалось періодически еще съ глубокой древности для обсужденія вопросовъ, касавшихся какъ Церкви, такъ и государства. Быть можетъ, практика этихъ освященныхъ соборовъ и подала мысль о созывѣ аналогичныхъ совѣщаній, которыя впослѣдствіи и получили наименованіе земскихъ соборовъ. Терминъ *земскій*, какъ извѣстно, и донинѣ имѣетъ въ Россіи опредѣленный административный смыслъ.

Старое вѣче осталось далеко позади. Какъ политическій строй, такъ и социальная организація московскаго государства создали слишкомъ неблагопріятную почву для развитія представительныхъ учре-

ждений изъ этихъ зачатковъ народнаго собранія. Въ этомъ отношеніи, молодая сѣверо-восточная держава представляла полную противоположность другимъ славянскимъ государствамъ или германскимъ племенамъ. Для перехода отъ вѣча къ народному представительству у нея не доставало такихъ промежуточныхъ формъ, какъ, напримѣръ, съѣзды дворянства,—*magna consilia*, *Herrentage*... и т. д. Подобно боярской думѣ, земскій соборъ явился лишь видоизмѣненнымъ обычаемъ старины: вѣдь мы знаемъ, что всѣ русскіе князья нѣкогда совѣщались со своею дружиною. Впослѣдствіи на мѣсто дружинниковъ стали служилые люди. Съ теченіемъ времени сфера администраціи расширилась и усложнилась; тогда естественно возникла потребность въ образованіи служебнаго представительства. Вѣдь всѣхъ служилыхъ людей собрать въ Москвѣ было невозможно. Такимъ образомъ, правительство признало своевременнымъ прибѣгнуть къ выборному началу для распредѣленія извѣстныхъ административныхъ функцій; съ другой стороны, эти избранные представители служилаго сословія оказались, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ бы его депутатами. Иными словами,—установился обычай созывать въ столицѣ совѣщанія избранныхъ должностныхъ лицъ: задачей ихъ было обсужденіе очередныхъ вопросовъ администраціи или совмѣстное рѣшеніе какихъ-нибудь общихъ дѣлъ. Эти совѣщанія происходили неправильно, въ зависимости отъ усмотрѣнія правительства,—и участники ихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, являлись какъ бы уполномоченными; однако, надо помнить, что то были чисто административныя полномочія; что касается доступа въ собранія, то онъ опредѣлялся особыми условіями. Были ли тутъ какіе-нибудь выборы, и въ какой формѣ—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, участники совѣщанія являлись туда на основаніи и во всеоружіи чисто служебныхъ своихъ правъ. Они были представителями не общественныхъ, а административныхъ интересовъ. Они выступали, какъ агенты правительства, отноудъ ни какъ защитники той или другой соціальной группы. Центральная власть призывала ихъ, чтобы получить свѣдѣнія и отдать распоряженія. Никакого дѣйствительнаго обсужденія вопросовъ не происходило. Пусть даже иногда правительство дѣлало видъ, что спрашиваетъ совѣта: на самомъ дѣлѣ, оно лишь приказывало своимъ слугамъ.

Разумѣется, ни о какихъ-либо политическихъ правахъ подобныхъ депутатовъ или ихъ избирателей никогда даже не подымалось вопроса. Правда, порою московское правительство какъ бы зангровало съ этими

соборами, пользуясь нарочитой неопредѣленностью их компетенціи. Однако, на самомъ дѣлѣ, ни одно изъ этихъ совѣщаній не оставило по себѣ слѣдовъ законодательной работы. Мало того—мы не видимъ съ ихъ стороны ни одного самостоятельнаго рѣшенія. Въ этомъ повиненъ можно думать, крайне неустойчивый характеръ исконнаго русскаго порядка. Мы уже видѣли, что онъ неизмѣнно препятствовалъ общественной дифференціаціи и мѣшалъ образованію прочно организованныхъ классовъ. Такимъ образомъ, группировка разрозненныхъ общественныхъ элементовъ стала задачею самой центральной власти. Она и занялась этимъ дѣломъ, и, совершенно естественно, не задумываясь о правахъ общества, озаботилась, прежде всего, наложеніемъ на него извѣстныхъ обязанностей. Вслѣдствіи этого, и въ своихъ основахъ, и въ подробностяхъ распорядка, новый политическій строй всецѣло свелся къ принципу повинности, т.-е. *тягла*. При такихъ условіяхъ, даже проникновеніе избирательнаго начала нисколько не затронуло коренныхъ устоевъ такого порядка. Мы уже видѣли, что въ тогдашнемъ обществѣ были недостаточно развиты социальныя интересы; можно сказать, что его элементы были слишкомъ мало проникнуты сознаніемъ даже собственныхъ нуждъ. Вслѣдствіе этого право выборовъ и самыя депутатскія полномочія представлялись только новымъ тягломъ, которое присоединяется къ существующимъ. Мы уже оговорились, что выборная основа соборовъ не доказуема. Однако, допустимъ даже, что она была несомнѣннымъ фактомъ. И, все же приходится заключить, что эти земскіе соборы явились въ русской исторіи не болѣе, какъ эпизодомъ, да и то самаго эфемернаго свойства. Учрежденіе соборовъ было пужко для правительства; оно не было торжествомъ созрѣвшихъ общественныхъ силъ; оно было продуктомъ административнаго творчества, а не плодомъ продолжительной національной работы. Вотъ почему земскіе соборы приходится разсматривать, какъ чисто внѣшнюю надстройку, механически приставленную къ старому и неуклюжему зданію государственнаго порядка; вотъ почему невозможно въ нихъ видѣть сколько-нибудь прочный результатъ внутренняго, органическаго развитія. Съ 1550 по 1363 годъ было создано 16 земскихъ соборовъ. И, однако, когда закрылся самый послѣдній изъ нихъ, онъ не оставилъ по себѣ ни живой памяти, ни особыхъ сожалѣній. Соборы были вызваны къ жизни произвольнымъ рѣшеніемъ единственно реальной власти; такой же произвольный актъ и вернулъ ихъ въ небытіе,—и ни существованіе ихъ, ни исчезно-

веніе не оставили никакого слѣда въ судьбахъ русскаго народа. Пусть даже неправы тѣ историки, которые считаютъ эту вѣть славянства отъ природы неспособной къ воспріятію политической свободы; пусть клеветой звучитъ утвержденіе, будто русская нація обречена на вѣчное рабство абсолютизму. Во всякомъ случаѣ, приходится признать, что въ стѣнахъ Кремля въ XVI вѣкѣ не происходило ничего похожего на серьезную попытку создать представительныя учрежденія.

Въ чемъ же заключается историческое значеніе собора 1550 года? Прежде всего важны были тѣ заботы, которыя заставили правитель-ство прибѣгнуть къ этому средству. Далѣе,—не менѣе существенны были и тѣ государственныя мѣропріятія, которыя послѣдовали за соборомъ. Царь доказалъ уже, что онъ знаетъ, какія язвы разѣдаютъ государственное тѣло. Онъ смѣлой рукой сорвалъ съ нихъ послѣдній покровъ. Теперь ему оставалось примѣнить къ нимъ лучшія врачеванія, а не тѣ средства, которыя считались до той поры всецѣльными. Уже слѣдующій годъ царствованія Ивана открываетъ за собой эпоху преобразованій (*).

*) Относительно біографическихъ данныхъ см. сочиненія *Карамзина*, *Соловьева* и *Бестужева-Рюмина*, I. с. Основными источниками являются лѣтописи и сочиненія *Курбскаго*, изд. *Устрялова*, II. — О Сильвестрѣ см. *Голохвастовъ*, Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, 1874; *Замысловскій*, критическая статья о книгѣ Голохвастова въ Сборникѣ государственныхъ знаній, т II; *Иловайскій*, Исторія Россіи, 1890, III, 621 и сл.; *Костомаровъ*, Монографіи, XIII, 240, сл.; *Шмурло*, Очеркъ жизни и трудовъ Н. И. Бестужева-Рюмина, 1899. Посланія Сильвестра изданы *Барсовымъ* въ *Христіанскомъ Чтеніи*, 1871, мартъ. Рецензія на это изданіе напечатана была *Ждановымъ* въ Ж. М. Н. Пр., 1876 іюль. — О первомъ земскомъ соборѣ: *Латкинъ*, Земскіе соборы древней

Руси, 1855; статьи *Павлова* въ *Отечественныхъ Запискахъ*, 1935; *Костомарова* въ Новомъ Времени, 1880, № 1485 — О происхожденіи соборовъ: *Костомаровъ*, Монографіи, XIX, 324 сл.; *Чичеринъ*, О народномъ представительствѣ, Москва 1866; *Загоскинъ*, Исторія права московскаго государства, Казань, 1887; *К. Аксаковъ*, Сочиненія, I, 204 сл.; *Сергѣевичъ*, Земскіе соборы въ московскомъ государствѣ, Сб. госуд зн , II; *Бѣляевъ*, Актовая рѣчь, произнесенная въ Моск. унив , 1867; *Ключевскій*, Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси, Русская Мысль, 1890; *Соловьевъ*, см. Polemiku со Шлецеромъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1857, VIII; *Забѣлинъ*, Очерки по исторіи московскаго самодержавія, Историческій Вѣстникъ, 1881 — Подлинныя документы, относящіеся къ исторіи 1-го собора, отсутствуютъ; имѣются лишь нѣкоторыя официальные данныя въ *Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ*, II, № 37; что касается, вообще, исторіи соборовъ, см нѣкоторыя данныя въ *Актахъ Историческихъ*, 1841, I и II, и дополненіяхъ, I, а также въ *Актахъ Археографической Экспедиціи*, I — О политическомъ порядкѣ древней Руси см. *Сергѣевичъ*, Русск. юр. древн., II, часть 1-я. — О соборѣ 1566 года см. *Лѣтопись Александра Невскаго*, напечатанную недавно въ *Древней Русской Вивлюи*, 1891, III: здѣсь содержатся интересныя данныя. Впрочемъ, этотъ документъ ждетъ еще особаго изслѣдованія со стороны происхожденія и содержанія.
